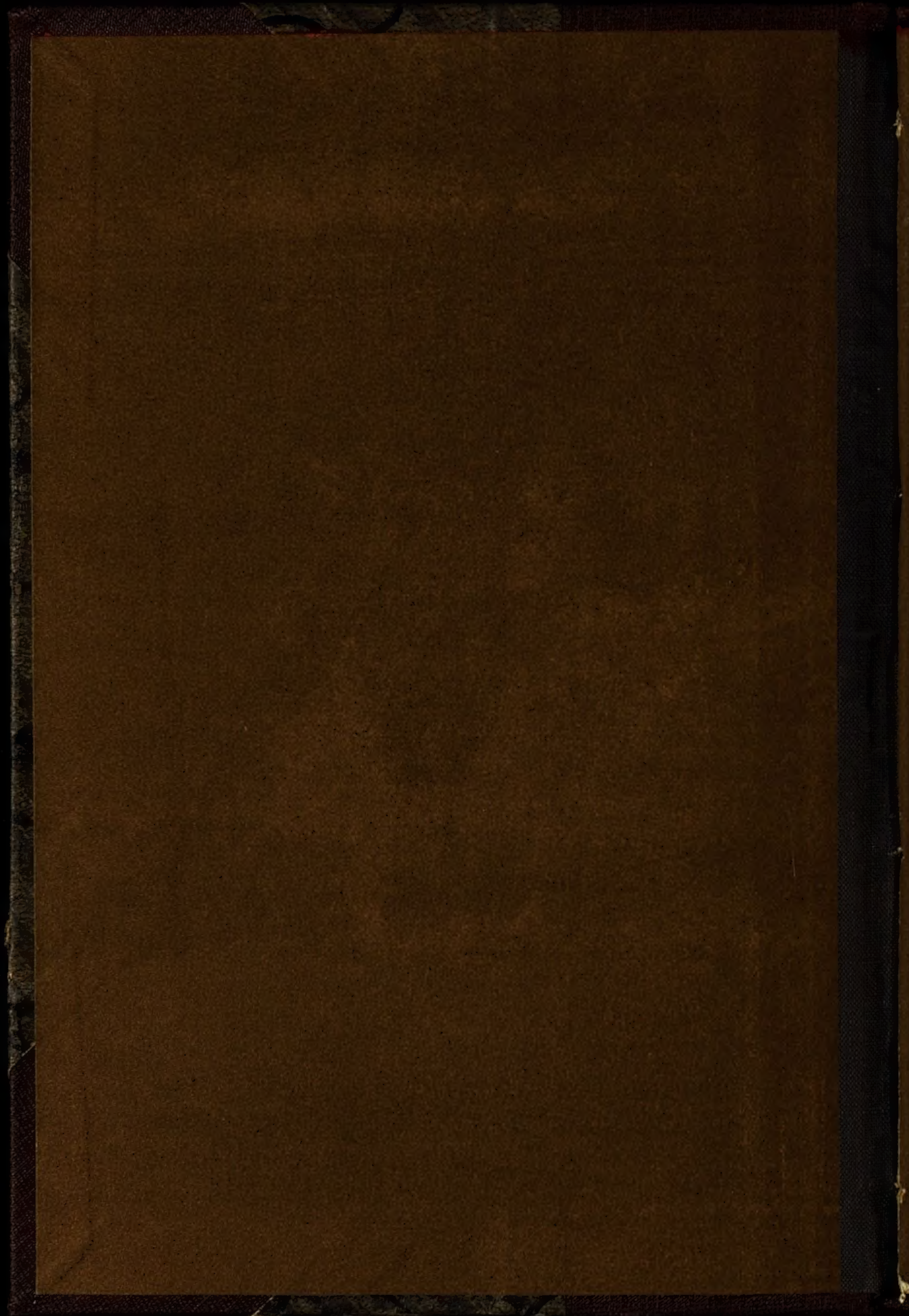
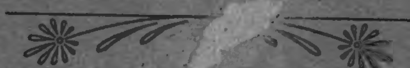
Иванович

АНАРХИСТЫ
И
АНАРХИЗМ
В РОССИИ

Ст. Ивановичъ.

АНАРХИСТЫ И АНАРХИЗМЪ ВЪ РОССІИ.

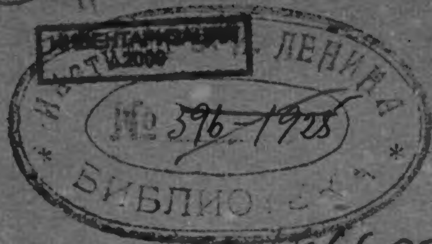

Цѣна 7 коп.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„НОВЫЙ МІРЪ“.

1907.

Типо-Литографія «Отто Унфугъ», Спб., ул. Гоголя, 21

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Съ того времени, какъ революціонное движеніе вслѣдствіе необычайно яростныхъ преслѣдованій правительства значительно ослабло и вновь скрылось въ подполье, съ того времени началась въ Россіи необычайно сильная и шумная дѣятельность анархистовъ. И во время самаго сильнаго разгара революціи анархисты не дремали, но тогда всѣ ихъ геройскія похожденія безслѣдно тонули въ широкомъ морѣ могучаго народнаго движенія, тогда на нихъ никто не обращалъ вниманія, и всѣ ихъ бомбы и покушенія казались жалкими хлопушками, соперничающими съ громовыми раскатами народнаго моря. Но послѣ неудачи декабрьскаго возстанія анархисты сумѣли своими похожденіями заставить говорить о себѣ вся и всѣхъ. Революція на время затихла и анархисты заговорили по новому. На этотъ разъ дѣятельность ихъ приняла совсѣмъ особый оборотъ. Подъ флагомъ анархизма стало процвѣтать организованное вымогательство, опирающееся на самыя возмутительныя убійства и насилія.

Анархисты сурово и жестоко требуютъ денегъ или жизни. «Денегъ или жизни»—вотъ ихъ боевой кличъ. И анархисты, дѣйствительно, не задумываются взять у человѣка жизнь, тамъ гдѣ не удалось взять у него денегъ. При этомъ они не смущаются тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ ихъ покушенія, бомбы и насилія влекутъ за собой часто гибель людей, ничего общаго не имѣющихъ съ избранной ими жертвой. Совершенно невинныя люди (рабочіе, приказчики, про-

хожіе) становятся такимъ образомъ жертвами денежной неудачи обирателя-анархиста, не успѣвшаго обобрать какого-нибудь толстосума-купца.

Въ настоящее время дѣятельность анархистовъ стала очень широкой и энергичной. Каждый день приноситъ все новыя вѣсти изъ разныхъ мѣстъ о томъ, что «и у насъ появились анархисты», каждый номеръ газеты полонъ извѣстій о десяткахъ грабежей, убійствахъ и прочихъ насиліяхъ. Въ той смѣлости и неутомимости, которую проявляютъ анархисты, сразу видно, что они ощущаютъ почву подъ ногами, что они сознаютъ свой ростъ и свою силу. Анархисты обзаводятся даже нелегальными газетами, которыя должны обогатить ихъ движеніе «теоріей». И совершенно ясно, что до тѣхъ поръ, покуда не исчезнутъ причины, вызвавшія такой небывалый ростъ анархизма, до тѣхъ поръ никакія полицейскія преслѣдованія и расправы не уничтожатъ анархистскаго движенія. Напротивъ, чѣмъ сильнѣе станутъ эти преслѣдованія, тѣмъ ожесточеннѣе станетъ работа анархистовъ. Герои воровскихъ вымогательствъ, герои жульническихъ продѣлокъ станутъ героями революціонной борьбы, станутъ героями, погибшими во имя высокой идеи. Знаменитое сраженіе одесскихъ анархистовъ съ полиціей и войсками, сраженіе, во время котораго анархисты обнаружили поразительную храбрость и самоотверженность, привлечетъ къ нимъ несомнѣнно много людей, которые, можетъ быть, раньше и не одобряли ихъ вымогательскихъ похожденій. Нѣтъ, борьбу съ анархистскимъ движеніемъ въ Россіи можетъ взять на себя лишь тотъ классъ, который ближе всего стоитъ къ людямъ, бросившимся въ омутъ анархизма, который самъ переноситъ невзгоды и удары, толкающіе нѣкоторыхъ въ ряды анархистовъ, эту борьбу можетъ взять на себя лишь весь рабочій классъ въ цѣломъ. Но для того, чтобы эта борьба была сознательной, рабочіе должны дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какія причины породили въ Россіи анархистскія движенія?

II.

Анархисты живутъ не оторванно отъ всей рабочей массы. Въ городахъ, гдѣ рабочее движеніе болѣе или менѣе сильно, сознательные рабочіе имѣютъ самое близкое и тѣсное общеніе съ анархистскими группами, знаютъ хорошо ихъ составъ и образъ ихъ жизни. И вотъ наблюденія этихъ рабочихъ показали, что среди анархистовъ имѣются люди двухъ родовъ: одни, которые опустились до анархизма, другіе, которые до него поднялись. Къ первымъ относятся преимущественно сознательные рабочіе, бывшіе соціалдемократы и соц.-революціонеры. Эти пришли къ анархизму сверху. До того, какъ пуститься во всѣ тяжкія анархистскихъ похожденій, они были преимущественно какъ разъ наиболѣе горячими, наиболѣе ревностными членами организаціи. Они всюду и всегда шли напроломъ, стараясь раньше другихъ притти на такое мѣсто, гдѣ больше всего риску, больше всего возможности развернуться во всю, поставить жизнь на карту. Эти рабочіе плохо усваиваютъ партійную дисциплину, являясь постояннымъ источникомъ всяческихъ недоразумѣній, но ихъ горячая преданность дѣлу выкупаетъ все, даже и отсутствіе яснаго соціалдемократическаго сознанія. Какъ разъ въ смыслѣ сознательности они стоятъ ниже многихъ среднихъ работниковъ организаціи. Весь ихъ умственный багажъ составленъ случайно, раздробленно, изъ наспѣхъ схваченныхъ изъ газетъ и прокламацій кусочковъ. Все время такихъ рабочихъ уходитъ на «дѣло». О томъ, чтобы углубить это дѣло сознаніемъ, чтобы отчетливо разобраться въ окружающей дѣйствительности—объ этомъ у нихъ даже нѣтъ времени подумать. Да рабочій и гонитъ отъ себя эти мысли, какъ вредныя измышленія бѣлоручекъ-теоретиковъ, которые не хотятъ ничего дѣлать и только возятся со своими книжками да программами. Въ организаціи этимъ рабочимъ часто приходится выслушивать упреки въ «анархизмѣ», такъ какъ они, дѣйствительно, зачастую, наподобіе анархистамъ, ставятъ свою волю выше воли большинства. Прибавимъ къ этому еще то, что такой рабочій рѣдко гдѣ работаетъ подолгу, что большую часть своей жизни онъ перебивается съ хлѣба на квасъ, что

часто онъ попадаетъ въ положеніе травленнаго звѣря, когда нѣтъ ни пріюта, ни копейки на хлѣбъ, и мы получимъ средняго сознательнаго рабочаго, ушедшаго къ анархистамъ. Сказанное отчасти и объяснитъ намъ, почему именно такой рабочій идетъ въ ряды анархистовъ. Но почему же онъ раньше былъ ревностнымъ борцомъ въ рядахъ сознательныхъ пролетаріевъ социалдемократовъ, а теперь сталъ ревностнымъ метальщикомъ бомбъ и ловкимъ вымогателемъ въ рядахъ анархистскаго сброда? Лишь отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ намъ ясное представленіе о нашемъ новомъ россійскомъ анархизмѣ.

Мы уже вначалѣ указали, что анархисты особенно сильно дали знать о себѣ послѣ декабрьскаго возстанія. Революціонная волна, поднявшись необычайно высоко, стала быстро спадать. Еще недавно народъ жадно упивался первыми лучами свободы. Время было горячее, просторъ былъ захватывающій. Социалдемократическія организаціи развивали такую широкую дѣятельность, о которой никто раньше не мечталъ. Самыя дюжинныя натуры находили себѣ въ организаціи пропасть работы. Рабочій же, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, испытывалъ такой сильный приливъ торжествующей бодрости и опьянявшей его силы, что будь анархисты въ сотни разъ сильнѣе, они не могли бы всѣмъ трескомъ своихъ бомбъ и револьверовъ вырвать его изъ горячей пролетарской массы, жившей массовой жизнью, боровшейся массовой борьбой. «Въ людяхъ сила», «на людяхъ и смерть красна»—это чувствовалось тогда всякимъ рабочимъ, членомъ организаціи, и не было тогда болѣе широкаго, болѣе могучаго, болѣе захватывающаго, чѣмъ работа въ средѣ тысячъ и десятковъ тысячъ сознавшихъ свою силу пролетаріевъ. Но вотъ наступила новая рѣшительная стычка, и революція, сдѣлавшая еще одно усиліе, должна была временно уступить. Густой и мрачный покровъ вновь окуталъ всю страну. Жизнь заглушалась, забивалась обухомъ на смерть, или смирная, робкая скромно притаилась въ уголочкѣ, въ сторонѣ отъ яростнаго урагана жестокихъ преслѣдованій. Социалдемократическое движеніе вновь ушло въ подполье. Не стало прежняго размаха, прежней красоты, прежней мощи и нужно было имѣть много душевной силы, нужно было еще больше обладать стойкимъ и яснымъ со-

знаніемъ, чтобы не потерять вѣру въ революціонное движеніе пролетаріата, чтобы понять, что впереди еще борьба, что наступившее затишье это лишь затишье передъ бурей, болѣе грозной, болѣе могучей, чѣмъ прежняя. Да, нужно было обладать стойкимъ и яснымъ соціалдемократическимъ сознаніемъ, чтобы съ его помощью противостоять какъ собственнымъ нравственнымъ мукамъ побѣжденнаго борца, такъ и многочисленнымъ причитаніямъ буржуазныхъ противниковъ о томъ, что, молъ, «пора бросить революціи и соединиться съ нами для мирной борьбы».

Наступившая мрачная и тяжелая пора перепутала всѣ мысли и чувства нашего рабочаго. Не получивши за время своей работы въ организаціи достаточно основательнаго соціалдемократическаго развитія, онъ совершенно безсиленъ былъ разобраться въ томъ, что произошло и что предстоитъ впереди. Въ умѣ своемъ, въ сознаніи, онъ не могъ найти опоры противъ силъ, вышибавшихъ его изъ колеи. Въ душѣ же у него боролись и кипѣли тысячи жгучихъ чувствъ. Кругомъ онъ видѣлъ страшное разореніе рабочихъ, страшное опустошеніе, производимое грандіозной небывалой безработицей. Необычайныя страданія рабочаго класса поднимали въ его душѣ тѣмъ большую бурю, что онъ самъ голодалъ, какъ никогда раньше, лишенный поддержки оскудѣвшей средствами организаціи. Что же удивительнаго, что этотъ измученный нравственными и физическими страданіями человѣкъ, очутившійся въ положеніи выброшенной на берегъ рыбы, потерявшій вѣру въ дѣло, которому онъ раньше отдавался весь безъ остатка, кидается теперь въ бурный омутъ анархистскихъ похожденій? Тутъ, ему кажется, онъ найдетъ удовлетвореніе всѣхъ своихъ склонностей. Тутъ опять интересная жизнь, полная всяческихъ захватывающихъ приключеній. Тутъ опять живая непрекращающаяся дѣятельность. При этомъ еще онъ попадаетъ въ компанію людей, живущихъ во всю, не нуждающихся ни въ чемъ, не считающихся ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ. Онъ будетъ безпощадно мстить буржуазіи, вселяя въ нее ужасъ и страхъ передъ его бомбами и револьверами, онъ будетъ мстить ей за свои страданія и за страданія его братьевъ, онъ развяжется со всѣми прежними нудными и скучными обязанностями члена организаціи, съ

ея дисциплиной, уставами, большинствомъ и т. д., и т. д.— онъ будетъ воленъ, какъ птица, и безпрерывно «экспропріируя» (лишая собственности) буржуазію, онъ станетъ героемъ, которымъ всѣ будутъ интересоваться, восхищаться, которому многіе станутъ завидовать и подражать.

Таковъ путь, по которому приходятъ къ анархистамъ сверху бывшіе сознательные революціонеры. Мы видимъ, что на этотъ путь ихъ толкаетъ наступившій политическій и экономическій кризисъ.

Этотъ то кризисъ дѣлаетъ душу революціонера-рабочаго особенно чуткой къ проповѣдямъ анархистовъ, навѣвающихъ ему золотые сны о будущемъ раѣ анархистскаго строя, въ который, самое главное, можно попасть сразу безъ этой безконечно-тяжелой, прямо таки остервенѣлой борьбы за буржуазную политическую свободу, при которой здравствующій нынѣ капиталъ все же будетъ рвать въ клочья тѣло и душу пролетаріевъ и притомъ еще станетъ ничѣмъ неограниченнымъ властелиномъ и самодержцемъ. Этотъ рабочій видитъ ее—эту будущую политическую владычицу, пустившуюся теперь «въ натурѣ» вплавь по морю пролитой пролетарской крови, чтобы выловить изъ него драгоцѣнную для нея жемчужину—чистоганъ—и этотъ видъ заглушаетъ въ немъ послѣдніе слабые слѣды политическаго смысла. Жгучее чувство испытываемой несправедливости, больная, какъ рана кровоточащая, мысль о ней душитъ всѣ остальныя чувства и мысли, и, наслушавшись сладкихъ сказокъ анархистовъ, сильная и страстная натура, для которой ходъ революціи кажется невозможно медленнымъ, рѣшаетъ: «нѣтъ, не буду я бороться, не буду крови проливать во имя буржуазной свободы, во имя свободы заклятыхъ моихъ враговъ, долой ее, долой политику, долой политическую борьбу: я буду бороться за немедленное осуществленіе анархистскаго строя». И онъ начинаетъ «бороться» тѣми средствами, о которыхъ говорено было выше.

Итакъ, политическій разгромъ и экономическое разореніе, вызванные смирительной политикой самодержавія— вотъ почва, на которой выросли пышные цвѣты анархистской работы. На этой почвѣ, удобренной кровью временно задавленнаго сознательнаго движенія рабочихъ, выросли не миръ и порядокъ, и не покой и тишина, какъ того же-

лали повелители Россіи, а дикая анархія отбросовъ различныхъ классовъ населенія. Что лучше—пусть скажутъ либеральные писатели россійской буржуазіи, призывавшіе всѣ силы преисподней на ненавистное имъ революціонное движеніе рабочихъ.

Здѣсь же мы для большей ясности укажемъ, что и въ Германіи послѣ того, какъ въ 1878 году былъ изданъ законъ противъ соціалистовъ и началась отчаянная травля соціалдемократическаго движенія, мысль многихъ соціалдемократовъ стала быстро вязнуть въ трясинѣ анархистскихъ бредней, а вскорѣ и образовались многочисленныя анархическія группки всякихъ толковъ. Германская соц.-дем. партія слѣдующимъ образомъ высказалась по этому поводу: «Теперь, когда гнетъ реакціи сталъ почти нестерпимымъ, когда благодаря этому усилилось стремленіе оставить медленную и трудную работу просвѣщенія и организаціи массъ, постепенно расшатывающую современный нелѣпый и несправедливый общественный и государственный строй!... и замѣнить эту работу путемъ, на первый взглядъ скорѣе ведущимъ къ цѣли, на дѣлѣ же безразсуднымъ и гибельнымъ—путемъ устройства революціи и бунтовъ—мы самымъ энергичнымъ образомъ возстаемъ противъ этого. Конечно, мы также убѣждены, что коренное преобразованіе общества не можетъ быть просто и спокойно предписано министрами и парламентами. Но это убѣжденіе безконечно далеко отъ намѣренія «производить» революціи или, вѣрнѣе, бунты, такъ какъ революціи не дѣлаются, а возникаютъ сами («Соціалдемократъ», 28 сентября 1869 г. Цюрихъ).

Для сознательныхъ товарищей должно быть ясно, что подобно тому, какъ это было въ Германіи, и у насъ въ Россіи именно ослабленіе рабочаго движенія дало возможность такъ быстро развиться анархизму. Тамъ, гдѣ дѣйствуютъ организованныя рабочія массы, тамъ нѣтъ мѣста похожденіямъ анархистскихъ шаекъ.

И еще одно нужно запомнить. Рабочее движеніе сильно не только «дѣломъ», но и знаніемъ. Нѣтъ ни одного движенія какого-нибудь класса, которое такъ нуждалось бы въ классовомъ сознаніи, которое такъ сильно было бы этимъ сознаніемъ, какъ движеніе рабо-

чаго класса. Условія, вліявшія на ходъ рабочаго движенія въ Россіи, были очень неблагопріятны для развитія сознанія пролетаріата, для твердаго усвоенія имъ соціалдемократическихъ идей. Тѣмъ усерднѣе рабочимъ нужно восполнить этотъ недостатокъ теперь, чтобы въ тяжелыя годины, которыя придется не разъ переживать рабочему классу, его классовое самосознаніе служило бы ему надежной защитой противъ необоснованнаго разочарованія и необдуманныхъ шаговъ. Уходъ многихъ товарищей въ ряды анархистовъ долженъ быть для насъ хорошимъ урокомъ.

III.

Но сверху изъ рядовъ сознательныхъ пролетаріевъ къ анархистамъ идетъ лишь очень незначительное число лицъ, становящихся вожаками, офицерами анархистскихъ отрядовъ. Главные кадры россійскихъ анархистовъ идутъ снизу, изъ тѣхъ городскихъ слоевъ, которые, опустившись уже на самое «дно» капиталистическаго строя, потеряли всякую надежду когда-нибудь выбраться изъ него.

Это все болѣе и болѣе растущій люмпенъ-пролетаріатъ (босячествующій пролетаріатъ), дошедшій въ своей нищетѣ до самыхъ послѣднихъ предѣловъ человѣческаго существованія. Экономическое разореніе страны, о которомъ говорено было выше, гонитъ въ ряды этого босячествующаго пролетаріата все новыя и новыя массы. Главнымъ образомъ эти массы состоятъ изъ городского ремесленнаго пролетаріата. Здѣсь среди ремесленниковъ ураганъ нищеты и разоренія дѣйствуетъ особенно яростно. Мелкіе хозяева распускаютъ своихъ подмастерьевъ, и эти подмастерья не могутъ, конечно, найти себѣ заработокъ въ крупной промышленности, которая сама насчитываетъ теперь сотни тысячъ безработныхъ. И вотъ выкинутый на мостовую ремесленникъ не становится даже тѣмъ, что мы называемъ «безработнымъ». Безработный—это, по нашему, пролетарій, временно лишенный работы, надѣющійся ее вновь найти и, дѣйствительно, могущій ее со временемъ найти. Положеніе же выкинутаго на улицу ремесленника иное. Онъ не надѣется вернуться

къ своему хозяину, потому что онъ видитъ этого хозяина среди тысячъ голодныхъ и нищенствующихъ пролетаріевъ, онъ не надѣется попасть на фабрику, потому что среди арміи безработныхъ онъ видитъ сотни и тысячи выкинутыхъ съ фабрики рабочихъ, онъ не надѣется даже на лучшее время, потому что его эксплуататоръ-хозяинъ самъ потерялъ эту надежду и эмигрировалъ въ Америку,—словомъ, онъ все больше проникается чувствомъ полнѣйшей безнадежности своего положенія, онъ перестаетъ быть безработнымъ и становится не работающимъ, нищимъ. Онъ отвыкаетъ не только отъ работы, но и отъ мысли о ней, онъ опускается все ниже и ниже, онъ становится люмпенъ-прлетаріемъ, босякомъ. Этотъ ремесленникъ уже оторванъ отъ рабочаго класса, онъ уже не можетъ жить его жизнью, вѣрить его вѣрой, одушевляться его стремленіями. Наоборотъ, чѣмъ больше хлещетъ его нужда, тѣмъ больше становится пропасть, отдѣляющая его отъ рабочаго класса. Онъ начинаетъ жить уличной жизнью обозленнаго голодомъ человѣка, слоняющагося у входовъ въ ночлежные пріюты и безплатныя столовыя. Тутъ вмѣстѣ съ безвкусной похлебкой онъ насыщается еще яростной ненавистью ко всѣмъ людямъ, имѣющимъ свой, не изъ милости данный, уголъ, свой, не изъ милости данный, хлѣбъ. Здѣсь, на улицѣ, въ его больномъ отъ голода и злости мозгу начинаютъ рождаться анархистскія мысли. Здѣсь на шумной, людной и богатой улицѣ, кричащей ему каждымъ своимъ камнемъ о томъ, что онъ голоденъ и оборванъ, когда кругомъ въ ломящихся отъ всякаго добра магазинахъ сидятъ за желѣзными кассами сытые и хорошо одѣтые капиталисты, здѣсь онъ рѣшаетъ свою судьбу. У него есть два пути: или онъ идетъ воровать, или идетъ бросать бомбы; если же это женщина, она начинаетъ торговать своимъ тѣломъ. У анархистовъ этотъ выброшенный экономической бурей изъ рабочаго класса ремесленникъ найдетъ полный просторъ своимъ потребностямъ, полный просторъ накопившимся въ его душѣ и душившимъ его чувствамъ озлобленія и мести, у анархистовъ онъ перестанетъ, наконецъ, страдать невыносимыми муками голода, вмѣстѣ съ анархистами онъ расправится съ тѣми сытыми и жирными буржуями, которыхъ онъ злобно разглядывалъ черезъ окна магазиновъ въ ту пору,

когда, оборванный и голодный, онъ одиноко шатался съ утра до вечера по улицамъ города, у анархистовъ онъ будетъ свободенъ отъ труда, которымъ онъ давно уже не занимался, который ему сталъ противенъ, который онъ считаетъ теперь позорнымъ, у анархистовъ, наконецъ, онъ вознаградитъ себя за все, что вынесъ онъ оскорбительнаго, мучительнаго, позорнаго за долгіе годы подмастерскаго прозябанія, долгіе дни босяцкой юдоли.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что людей толкаютъ въ омутъ анархизма окружающія ихъ экономическія условія, именно страшная, небывалая безработица, дѣйствующая среди ремесленнаго пролетаріата особенно опустошающимъ образомъ и кидающая его массами въ разрядъ уличнаго пролетаріата (люмпенъ-пролетаріата). Совершенно безнадежныя условія жизни этого люмпенъ-пролетаріата дѣлаютъ его особенно склоннымъ къ увлеченію анархистской дѣятельностью. Присматриваясь къ тому, гдѣ всего сильнѣе дѣятельность анархистовъ, мы замѣчаемъ, что какъ разъ тѣ мѣста Россіи, гдѣ больше всего ремесленнаго пролетаріата, гдѣ сильнѣе всего среди него свирѣпствуетъ безработица и разореніе, именно сѣверо-западный край и югъ Россіи, и являются главными очагами анархизма. Отмѣтимъ тутъ же, что и въ Западной Европѣ и въ Америкѣ главные очаги анархизма—среда нищенствующихъ ремесленниковъ, эмигрантовъ, выгнанныхъ голодомъ въ города обезземелившихся крестьянъ и. т. п. Двѣ страны, не поддающіяся описанію нищеты и разоренія, Италія и Испанія насчитываютъ у себя какъ разъ наибольшее число анархистовъ. При чемъ интересно указать, что въ сѣверной части Италіи, гдѣ сильнѣе развита фабрично-заводская промышленность, гдѣ имѣются густые кадры промышленнаго пролетаріата—тамъ анархисты очень слабы и преимущественнымъ вліяніемъ на рабочій классъ пользуется соціалдемократія. Наоборотъ, южныя области Италіи съ совершенно слабо развитой промышленностью, съ огромными массами разореннаго до тла крестьянства, съ десятками тысячъ бездомной голи—это гнѣздилище итальянской нищеты и представляетъ собою настоящее гнѣздилище итальянскаго анархизма. Такое же приблизительно распредѣленіе анар-

хистовъ между отсталыми и развитыми въ промышленномъ отношеніи областями замѣчается и въ Испаніи.

Ясно, что чѣмъ сильнѣе станетъ разореніе, вносимое въ среду пролетаріата бѣшеной и не знающей удержу политикой россійскаго правительства, тѣмъ, конечно, ряды анархистовъ будутъ все увеличиваться выходцами изъ той среды, въ которой для людей, не могущихъ протягивать руку за подаяніемъ, остается либо петля, либо воровство, либо анархизмъ. То же обстоятельство, что за послѣднее время многіе выбираютъ именно анархизмъ, опять таки объясняется современнымъ положеніемъ Россіи. Вѣдь еще совсѣмъ недавно весь народъ отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ его слоевъ пережилъ необычайно сильную умственную встряску, и эта встряска вся ярко окрашена была въ «революцію». Понятно, поэтому, что незаурядные смѣльчаки, которые раньше могли бы пойти по стезѣ карманныхъ воровъ и ночныхъ грабителей, становятся въ революціоное время «революціонерами» и «анархистами». Подъ вліяніемъ всеобщаго распространенія революціи озлобленные лютыми голодовками люди охотно ухватываются за внушенныя имъ вожаками анархистовъ сумасбродныя идеи о томъ, что цѣлымъ рядомъ убійствъ и грабежей можно уничтожить міръ рабства и нищеты и водворить на землѣ безграничное счастіе и что, поэтому, эти убійства и грабежи и есть настоящая революція.

Покойный вождь германскаго пролетаріата Вильгельмъ Либкнехтъ на съѣздѣ германской соціалдемократической партіи въ 1887 году говорилъ объ этомъ сортѣ анархистовъ слѣдующее: «Люди, совершающіе убійства съ грабежемъ и поджоги, являются преступниками, хотя бы и навѣшивали на свои преступленія ярлыкъ анархизма. Далеко не новое явленіе, что простые уголовные преступники выступаютъ въ качествѣ носителей высшей идеи; то обстоятельство, что въ политически возбужденное время господствующія идеи могутъ наложить извѣстный отпечатокъ и на преступниковъ, также въ порядкѣ вещей... Во всякомъ случаѣ мы, соціалисты, видимъ и въ уголовныхъ преступникахъ жертву общества и возлагаемъ на него отвѣтственность за нихъ».

И если у насъ въ Россіи иные вмѣсто того, чтобы оставаться ворами, превращались въ анархистовъ, то другіе по тѣмъ же самымъ причинамъ вмѣсто того, чтобы становиться ворами, становились «анархистами». Такимъ образомъ въ станѣ анархистовъ собралась пестрая толпа всякаго сорта «бывшихъ людей». Всѣхъ ихъ пригнало сюда разбушевавшееся въ Россіи море народной нищеты и кровавыхъ насилій, но каждый приходилъ сюда съ особыми цѣлями, начиная отъ самыхъ высокихъ и кончая самыми низкими.

IV.

Очевидно, что въ анархистской дѣятельности верхъ взяли именно эти низкія цѣли, ибо кромѣ различныхъ грабежей, сопровождаемыхъ убійствомъ совершенно невинныхъ людей, мы никакихъ другихъ проявленій дѣятельности анархистовъ не видимъ. Но зато все больше и больше увеличивается число чисто жульническихъ похожденій, относительно которыхъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это именно жульничество и есть и никакого отношенія ни къ какой борьбѣ за какія-нибудь высокія цѣли не имѣетъ. Анархисты роковымъ образомъ все глубже и глубже погружаются въ омерзительную трясину полицейской уголовщины.

Ясно, что дѣятельность ихъ очень далека отъ страданій рабочаго класса! Думать же, что анархисты своими бомбами и угрозой смерти могутъ принудить капиталистовъ ослабить безжалостную эксплуатацію ихъ рабочихъ, не выкидывать при первомъ случаѣ на улицу, или выдавать имъ большую плату и вводить сокращенный рабочій день, было бы просто нелѣпо. Пусть этихъ бомбъ будетъ въ тысячу разъ больше, пусть анархисты украдутъ не десятки тысячъ, а сотни милліоновъ, положеніе рабочихъ ни насколько не улучшится, невыносимыя страданія, переживаемыя теперь рабочими въ Россіи, ничуть не уменьшатся. Наоборотъ, дѣятельность анархистовъ вноситъ только больше нищеты и разоренія въ рабочій классъ, увеличивая и безъ того губительно свирѣпствующую безработицу. Пока что, вла-

дѣльцы магазиновъ и фабрикъ дѣлаютъ уже рабочихъ отвѣтственными за возможныя покушенія на нихъ со стороны анархистовъ. По свѣдѣніямъ изъ западнаго края, хозяева просто на просто заявляютъ своимъ рабочимъ и приказчикамъ: «Я могу продолжать свое дѣло, лишь когда буду увѣренъ, что анархисты не убьютъ и не ограбятъ меня. Можете меня обезопасить и охранять отъ нихъ, хорошо— оставайтесь на мѣстѣ, не можете—уходите себѣ на всѣ четыре стороны,—я закрываю дѣло». Угрозой голодной смерти предприниматели принуждаютъ рабочихъ браться за полицейскія обязанности охраны персоны и кармана ихъ «благодѣтеля». И рабочіе, и приказчики, не желающіе очутиться на улицѣ, вынуждены принимать предложеніе. Это, однако, не мѣшаетъ тому, что во многихъ случаяхъ страхъ передъ анархистскими покушеніями заставляетъ предпринимателей закрывать свои заведенія и выкидывать на улицу сотни людей. Такимъ образомъ, анархистская работа увеличиваетъ и безъ того свирѣпствующую среди рабочихъ нищету и безработицу. Но вредъ, приносимый дѣятельностью анархистовъ, заключается не только въ этомъ. Дѣло въ томъ, что всѣ эти анархистскія похожденія въ концѣ концовъ на руку тѣмъ, кто хочетъ залить рабочее движеніе грязью, кто хочетъ во имя пущей острастки держать населеніе въ ужасѣ и смятеніи, кто уже сейчасъ тупо ворчитъ, что «всѣ эти рабочіе социалдемократы—воры и грабители, и всѣмъ имъ одна цѣна», кто сейчасъ, наконецъ, особенно охотно смѣшиваетъ анархистскіе подвиги съ массовымъ рабочимъ движеніемъ. Недаромъ полиція всѣхъ странъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ анархистскихъ организаціяхъ, недаромъ у насъ въ Россіи гораздо труднѣе безнаказанно распространить, напримѣръ, выборгское воззваніе, чѣмъ убить и ограбить среди бѣла дня человѣка, недаромъ анархисты особенно процвѣтаютъ тамъ, гдѣ свирѣпствуетъ военное положеніе, а военное положеніе особенно процвѣтаетъ тамъ, гдѣ свирѣпствуютъ анархисты. *)

*) Въ № «Двадцатаго Вѣка» отъ 1 августа помѣщена была слѣдующая телеграмма: «Екатеринославъ. Сыскная полиція, въ поискахъ анархистовъ, ограбившихъ ювелира Варшавскаго на 6000 руб., арестовала главу цѣлой шайки мнимыхъ комунистовъ Р., оказавшагося агентомъ охраннаго отдѣленія».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Если на смѣшеніе рабочаго движенія съ воровскими похожденіями россійскихъ анархистовъ способны только злобствующія тупицы, то смѣшеніе россійскаго вымогательствующаго «анархизма» съ дѣйствительнымъ анархизмомъ, какъ онъ былъ выработанъ выдающимися западно-европейскими и русскими теоретиками его, производится очень многими рабочими. Происходитъ это смѣшеніе, главнымъ образомъ, потому, что россійскіе анархисты умудряются пристегивать западно-европейскія анархистскія теоріи къ своимъ исключительно россійскимъ вымогательскимъ похожденіямъ. Посмотримъ же вкратцѣ, каковы эти теоріи и можетъ ли ихъ принять борющійся за свое освобожденіе пролетаріатъ.

Раньше всего, къ какому новому справедливому общественному строю стремятся анархисты въ борьбѣ съ полнымъ ужаса капиталистическимъ строемъ? Можетъ ли пролетаріатъ считать для себя полезнымъ бороться за осуществленіе конечной цѣли анархистовъ?

Почти всѣ анархисты представляютъ себѣ будущій строй общества въ видѣ огромнаго множества отдѣльныхъ, другъ отъ друга независимыхъ и вполнѣ самостоятельныхъ общинъ (коммунъ). Каждая такая община ведетъ хозяйство на свой собственный страхъ и рискъ, не считаясь съ тѣмъ какъ ведется оно въ другихъ общинахъ. Никакого общаго плана производства для всѣхъ общинъ данной страны, ничего центральнаго, связывающаго всѣ эти коммуны въ одно согласное цѣлое, не существуетъ. Всѣ онѣ живутъ совершенно самостоятельно, и сношенія между ними можно уподобить сношеніямъ между отдѣльными капиталистическими предпріятіями, которыя, какъ намъ извѣстно, тоже не связаны какимъ-либо однимъ обязательнымъ для всѣхъ планомъ производства. Это отсутствіе центральнаго объединяющаго все хозяйство страны управленія и является главной отли-

чительной чертой анархическаго идеала: «анархія» и значитъ отсутствіе церитральной власти.

Соціалдемократическая партія считаетъ этотъ взглядъ анархистовъ и неправильнымъ, и вреднымъ. Она указываетъ на то, что развитіе капиталистическаго строя ведетъ къ объединенію хозяйственной жизни страны, а не къ ея раздробленію, къ такъ называемой централизаціи производства, а не къ распаденію его на мелкіе куски. Какъ представить себѣ, напримѣръ, огромное желѣзнодорожное дѣло требующее такого строгаго объединенія, въ рукахъ сотенъ и тысячъ независимыхъ другъ отъ друга общинъ? А почта? А телеграфъ? А пароходное дѣло? А тысячи другихъ отраслей производства съ десятками и сотнями тысячъ рабочихъ? Если бы анархистамъ удалось ввести анархическія коммуны, общество скоро очутилось бы въ такомъ же невыносимомъ положеніи, въ какомъ оно находится теперь. Вѣдь, очевидно, отдѣльныя общины не сумѣютъ вполнѣ удовлетворить потребностей своихъ членовъ. Общины будутъ непремѣнно нуждаться въ продуктахъ другихъ общинъ. Хотя, благодаря уничтоженію частной собственности внутри общины, между ея членами не будетъ возможенъ обмѣнъ (торговля), но между отдѣльными общинами этотъ обмѣнъ дѣлается хозяйственной необходимостью. Но разъ будетъ происходить торговля между отдѣльными общинами, значитъ неминуемо начнетъ дѣйствовать конкуренція, и болѣе богатыя изъ нихъ рано или поздно подчинятъ себѣ менѣе богатыя— точно такъ, какъ теперь болѣе богатыя и крупныя предпріятія побѣждаютъ менѣе крупныя. Мало-по-малу дѣло сведется, такимъ образомъ, къ тому же неравенству, къ той же противоположности между эксплуататорами и эксплуатируемыми, отъ какой пролетаріатъ страдаетъ и сей часъ. Такимъ образомъ, анархизмъ не уничтожаетъ главнаго зла современнаго строя и именно потому, что онъ борется съ приносимой развитіемъ капитализма централизаціей производства. За это стремленіе раздробить крупное производство соціалдемократы и называютъ анархизмъ мелкобуржуазнымъ соціализмомъ. Опираясь на массы разоренныхъ крестьянъ и ремесленниковъ, т. е. на массы едва выскочившихъ изъ мелкобуржуазнаго состоянія, анархизмъ строитъ будущее общество по образу и подобію своему.

Анархизмъ не заглядываетъ въ корень вещей и, борясь съ капиталистическимъ строемъ, оставляетъ для сношеній между общинами всѣ прелести буржуазнаго порядка вещей.

II.

Какими же средствами анархисты думаютъ водворить на землѣ ихъ фантастическій анархическій строй? Раньше всего надо указать, что всѣ анархисты совершенно не признаютъ политической борьбы, какъ средства освобожденія рабочаго класса, и относятся къ ней въ высшей степени враждебно. Для нихъ политическая борьба рабочаго класса—только плодъ горькаго обмана со стороны буржуазіи и соціалдемократовъ, зовущихъ рабочихъ къ политической борьбѣ ради закабаленія ихъ будущему соціалистическому обществу. Анархисты одинаково равнодушно или съ одинаковой ненавистью относятся ко всякому политическому строю, будь то самодержавіе или республика. Точно также они отрицаютъ борьбу представителей рабочихъ въ парламентѣ за улучшеніе условій труда, за изданіе полезныхъ для рабочихъ законовъ и самое участіе въ парламентѣ. Все это вредно, потому что это политика, потому что имѣетъ отношеніе къ государству, потому что считается съ нимъ. Въ борьбѣ русскаго народа за свое освобожденіе они не принимаютъ никакого участія, считая эту политическую борьбу совершенно не нужной и вредной. Борьбу за установленіе соціалистическаго строя они считаютъ такимъ же преступленіемъ, какъ и борьбу за установленіе конституціи, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, соціалистическое общество будетъ такъ же угнетать и насиловать людей, какъ и теперешнее буржуазное государство. Анархисты неспособны понять, что современное государственное устройство—это только аппаратъ для господства буржуазныхъ классовъ надъ народомъ, и разъ исчезнетъ самое господство одного класса надъ другимъ, то вмѣстѣ съ этимъ и исчезнетъ государство—аппаратъ его. Энгельсъ говоритъ о соціалистическомъ государствѣ слѣдующее: «Въ ту минуту,

когда государство станетъ дѣйствительно представителемъ всего общества (а не только владѣющихъ классовъ, какъ теперь), исчезнетъ и самая надобность въ немъ. Разъ не существуетъ класса, который надо угнетать, разъ исчезло классовое господство, разъ исчезла борьба за существованіе, вызываемая анархіей въ производствѣ, разъ исчезли гнетъ и насиліе, къ которымъ эта борьба приводитъ—значитъ исчезла и всякая надобность въ государствѣ. Вмѣсто правительства, господствующаго надъ людьми, установится управленіе вещами, управленіе производствомъ. Не придется тогда разрушать государства, оно умретъ само».

Ясно, что дѣло не въ государствѣ, а въ томъ, кто является въ немъ господствующимъ классомъ, какой классъ пользуется имъ въ своихъ цѣляхъ. Ясно, значитъ, что если господствующимъ классомъ въ государствѣ станетъ пролетаріатъ, онъ сумѣетъ воспользоваться этимъ въ цѣляхъ установленія полнаго равенства и свободы, т. е. соціалистическаго строя, такъ какъ пролетаріатъ, какъ самый угнетенный классъ, не заинтересованъ ни въ какомъ господствѣ, ни въ какомъ угнетеніи. Анархисты, проповѣдующіе всюду «разрушеніе всякой власти, разрушеніе всякаго центральнаго управленія», отказывающіеся имѣть какое-либо дѣло съ государствомъ, участвовать въ его учрежденіяхъ, пользоваться ими для нуждъ рабочаго класса, напоминаютъ тѣхъ забитыхъ нуждой и невѣжественныхъ рабочихъ, которые съ введеніемъ машинъ въ промышленности неистово разрушали и ломали ихъ, потому что благодаря машинамъ капиталисты сумѣли удешевить ихъ трудъ, привлечь къ работѣ женщинъ и дѣтей и выкинуть сотни и тысячи ручныхъ рабочихъ на улицы. Эти рабочіе не понимали, что источникъ ихъ разоренія не въ мертвыхъ машинахъ, а в ъ ч а с т н о й с о б с т в е н н о с т и на нихъ со стороны класса эксплуататоровъ. Они не понимали, что эти же машины, будучи собственностью всѣхъ трудящихся, превратились бы изъ орудія закабаленія пролетаріата въ орудіе для удовлетворенія потребностей всего народа. «Теперь, говоритъ бельгійскій соціалистъ Папъ, «рабочіе признаютъ, что машины полезны и даже необходимы обществу, которое можетъ жить, лишь производя все въ большихъ размѣрахъ, и они говорятъ: дайте намъ машины! Государство есть

тоже машина: оно орудіе для производства крупныхъ общественныхъ работъ. Какъ и всѣ другія машины, оно необходимо для современнаго крупнаго производства и обмѣна. Какъ и всѣ другія машины, оно убивало рабочихъ и до сихъ поръ всегда дѣйствовало исключительно въ пользу привилегированныхъ классовъ. Чтобы положить конецъ такому положенію дѣлъ, нужно самимъ рабочимъ завладѣть этой машиной» *). Совершенно вѣрно, что государство родилось, существуетъ и еще долго будетъ существовать, какъ аппаратъ, какъ организація для угнетенія трудящихся классовъ классами, захватившими власть въ свои руки, но развѣ отсюда слѣдуетъ, что должно быть совершенно уничтожено всякое государство, т. е. всякое центральное управленіе, всякая центральная власть? «Если народное образованіе до сихъ поръ только укрѣпляло предразсудки въ массѣ и служило для господствующихъ классовъ средствомъ притѣсненія и эксплуатаціи, то слѣдуетъ ли его поэтому уничтожить? И если промышленность до сихъ поръ служила средствомъ для обогащенія богатыхъ и разоренія бѣдныхъ, то нужно ли поэтому проповѣдывать уничтоженіе промышленности?» **)

Нелѣпость анархистской теоріи «разрушенія государства» и вытекающей изъ нея тактики воздержанія отъ политической борьбы легко вскрывается при малѣйшемъ ея изслѣдованіи.

На ряду съ неутомимымъ участіемъ въ экономической борьбѣ пролетаріата соціалдемократы зовутъ его къ политической борьбѣ, къ завоеванію имъ все большихъ политическихъ правъ, къ усиленію его значенія во всѣхъ вопросахъ политической жизни государства, видя въ этомъ одно изъ могущественныхъ средствъ для достиженія политической власти, съ цѣлью установленія соціалистическаго строя. Анархисты же въ поискахъ за средствами осуществленія анархистскаго строя разбиваются на десятки различныхъ толковъ, и каждый изъ нихъ предлагаетъ что-нибудь другое.

---

*) Папъ. «Организація общественныхъ учрежденій въ будущемъ обществѣ». Изд. «Колокола», стр. 22.

**) Тамъ же.

III.

Въ Россіи особенное значеніе анархисты придаютъ такъ называемой «пропагандѣ дѣйствіемъ» и экспропріаціи буржуазіи (лишеніе ея собственности).

Сторонники «пропаганды дѣйствіемъ» думаютъ, что недостаточно пропагандировать свои ученія словомъ устнымъ или печатнымъ. Общество глухо ко всѣмъ словамъ, даже самымъ прекраснымъ. Только дѣйствіемъ, рѣзкимъ, сильнымъ дѣйствіемъ, бьющимъ неожиданно общество, можно заставить его прислушаться къ стонамъ замученныхъ современнымъ строемъ. Только кровавый фактъ, какъ молнія, падающій на пиръ довольныхъ и ликующихъ, можетъ заставить ихъ остановиться въ своемъ ликованіи и призадуматься. И понятно, что чѣмъ несуразнѣе, чѣмъ нелѣпѣе террористическій актъ, тѣмъ скорѣе можетъ онъ приковать къ себѣ вниманіе общества. А разъ объ убійствѣ говорятъ, разъ оно стало предметомъ жаднаго обсужденія, то цѣль анархическаго акта—пропаганда—достигнута.

Во имя этой пропаганды дѣйствіемъ былъ совершенъ, главнымъ образомъ, во Франціи лѣтъ десять назадъ цѣлый рядъ анархическихъ покушеній. Въ одномъ случаѣ была брошена бомба на засѣданіи французской палаты депутатовъ, въ другомъ—въ какую то кофейню, въ третьемъ—въ переполненный публикой театръ и т. д.

Не трудно понять, какъ нецѣлесообразна и безсмысленна эта тактика анархистовъ, несмотря на всю ея кажущуюся «революціонность». На что, въ самомъ дѣлѣ, разсчитываютъ они? На то же, на что разсчитываютъ, въ концѣ концовъ, такъ называемые «мирные» анархисты (Л. Толстой, наприм., Э. Реклю и друг.): на то, что можно заставить буржуазію одуматься и отказаться отъ своего положенія класса-эксплуататора. Только мирные анархисты думаютъ, что этого можно добиться словомъ убѣжденія и увѣщанія, а анархисты-террористы полагаютъ, что болѣе надежное средство—это вырывать изъ рядовъ буржуазіи случайныя (и часто совершенно невинныя) жертвы и, загнавъ ее въ душный тупикъ страха, смятенія и раскаянія, сдѣлать для нея жизнь совершенно невыносимой. И тѣ, и другіе не

признаютъ классовой точки зрѣнія и думаютъ, что можно внѣ организованнаго дѣйствія пролетаріата заставить буржуазію отказаться отъ своихъ привилегій. Но вѣдь ясно, что дѣло не въ томъ, чтобы дать буржуазіи понять, какъ тяжело отзывается на низшихъ классахъ ея господство. Она это знаетъ, несомнѣнно, не хуже другихъ. Но она также знаетъ, что только при угнетеніи рабочихъ можетъ ей житься хорошо, и пока она въ силахъ держаться противъ напора пролетаріата, она не уступитъ никакимъ убѣжденіямъ, никакой пропагандѣ, будь то пропаганда словомъ или дѣйствіемъ. Капиталъ будетъ справлять свои оргіи даже надъ огнедышащимъ вулканомъ. Не просвѣщать, поэтому, надо буржуазію, не обращать ея вниманіе на недуги современнаго общества, а бороться съ ней, ибо въ ея господствѣ источникъ всѣхъ этихъ недуговъ. Но бороться съ буржуазіей и ея защитникомъ—государствомъ можетъ только организованная сила пролетаріата. Единоборство, героическіе поступки отдѣльныхъ лицъ не могутъ имѣть успѣха противъ цѣлаго класса. На мѣсто убитаго эксплуататора сейчасъ же появляется другой: пустого мѣста въ рядахъ буржуазіи никогда не бываетъ. Въ рядахъ же пролетаріата эти акты единоборства вызываютъ обманчивыя мнѣнія, что что-то серьезное и революціонное дѣлается, и за шумомъ, поднятымъ вокругъ террористическаго акта, забывается то единственно важное и революціонное, что есть, т. е. классовая организація пролетаріата для борьбы за соціализмъ. Такъ думаетъ соціалдемократія. Анархистовъ же подобное явленіе только радуетъ, ибо они безусловные противники классовой борьбы, классовой организаціи, да и какой бы то ни было организаціи вообще. «Наше движеніе—пишетъ одинъ анархистскій журналъ—не только рабочее движеніе... Итакъ, долой лозунгъ «классовая борьба»! Мы имѣемъ дѣло не съ классами, а съ отдѣльными людьми. И этихъ отдѣльныхъ людей мы хотимъ не возмущать, не терроризировать, а просвѣщать». *) Для просвѣщенія «отдѣльныхъ людей» не нужно никакой организаціи. «Насъ, анархистовъ, объединяетъ не партійная организація, насъ объединяетъ не дис-

*) Боргіусъ. «Теоретическія основы анархизма». Стр. 84.

циплина, не воля совокупности и тѣмъ болѣе не воля большинства, не партейтагъ (съѣздъ) и не лоскутъ бумаги, на которомъ написана программа. Мы отвергаемъ всякія цѣпи и все-таки мы знаемъ, что существуетъ звено, соединяющее насъ лучше, нежели любая форма принужденія... Насъ объединяетъ одно и то же убѣжденіе, одна и та же воля, общая борьба, одинаковые враги и одинаковое преслѣдованіе»*) Понятно, что люди, объединенные не стройной и крѣпкой организаціей, не ясно разработанной программой требованій, а сладкимъ звономъ сплетаемыхъ фантазіей звеньевъ— эти люди не способны къ массовой борьбѣ, къ планомѣрной и упорно идущей къ цѣли повседневной работѣ и очень легко и охотно сворачиваютъ на путь оторванныхъ другъ отъ друга похожденій рискованнаго свойства, на путь грабежей, убійствъ, насилій и т. п., и т. п.

Соціалдемократія рѣшительно отбрасываетъ въ сторону ни къ чему не ведущіе и нелѣпо жестокіе насильственные акты анархистовъ и всецѣло отдаетъ свои силы дѣлу организаціи классовой борьбы пролетаріата.

IV.

Россійскіе «анархисты» отдаютъ, однако, гораздо больше предпочтенія «экспропріаціи» буржуазіи, чѣмъ пропагандѣ дѣйствіемъ. Эта экспропріація уже потому особенно почитается ими, что она привлекаетъ къ себѣ массу, жаждущую «благородной», революціонной наживы, пропаганда же дѣйствіемъ, при всей своей жестокой нелѣпости, все же остается безкорыстнымъ служеніемъ во имя хотя бы и сумасбродной цѣли. Во имя же чего совершается «экспропріація»? Можетъ ли самая усердная и широчайшая экспропріація что-нибудь измѣнить въ современныхъ политическихъ порядкахъ, могутъ ли анархическіе грабежи повредить хоть чѣмъ-нибудь капиталистическому строю? Для того, чтобы отвѣтить себѣ на эти вопросы, нужно только

*) Тамъ же. Изъ статьи анархиста, носящей характерное названіе: «Все или ничего».

на минуту предположить, что вмѣсто каждаго экспропріатора-анархиста появляется, скажемъ, хотя бы цѣлыхъ десять ловкихъ и хорошо образованныхъ воровъ. Что тогда получится? Получится только то, что капиталистическое государство обогатится новыми тюрьмами, сыщиками, полицейскими и прокурорами. А отъ этихъ вещей капиталистическіе порядки ничуть не страдаютъ. Какъ обыкновенная кража, такъ и анархистская экспропріація вредны только для отдѣльнаго пострадавшаго отъ этого капиталиста, но не для класса капиталистовъ въ цѣломъ или, тѣмъ болѣе, для капиталистическихъ порядковъ. Въ крайнемъ случаѣ капиталисты могутъ себя страховать отъ экспропріаціи, какъ они страхуютъ себя отъ пожаровъ, наводненій, воровъ и т. п. *) Социалдемократы тоже говорятъ объ «экспропріаціи экспропріаторовъ», т. е. объ экспропріаціи класса, который всѣ свои богатства пріобрѣлъ путемъ безпощадной экспропріаціи трудящихся классовъ населенія. Но эта экспропріація экспропріаторовъ совершится не темными шайками вооруженныхъ вымогателей, а достигшимъ политической власти рабочимъ классомъ, который, пользуясь временно своимъ господствомъ, экспропріируетъ у немногочисленныхъ уже къ тому времени магнатовъ-собственниковъ не деньги, а орудія производства для передачи ихъ въ пользованіе всего народа. Отъ этой экспропріаціи во имя соціалистической революціи до «экспропріаціи» анархистовъ во имя обогащенія анархистской кассы и частичныхъ нападеній на отдѣльныхъ капиталистовъ такъ же далеко, какъ отъ неба до земли.

V.

Не столь нелѣпа въ своей теоріи и практикѣ та часть анархистовъ, которая отстаиваетъ такъ называемое «прямое дѣйствіе». Подъ этимъ прямымъ дѣйствіемъ подразумѣвается исключительно одна экономическая борьба, главнымъ образомъ всеобщая забастовка. «Непосредственнымъ» или

---

*) По слухамъ, «Союзъ русскаго народа» уже организовалъ подобное страхованіе отъ анархистовъ.

«прямымъ» дѣйствіемъ экономическая борьба называется анархистами потому, что, по ихъ мнѣнію, экономическая борьба бьетъ капиталиста прямо, непосредственно. Политическая же борьба, полагаютъ они, напрасно стремится сдѣлать тоже самое посредственно при помощи государственной власти, такъ какъ эта власть не способна выступить какъ-нибудь противъ буржуазіи, давно захватившей ее въ свои собственныя руки. Кромѣ того сторонники прямого дѣйствія особенно сильно напираютъ на то, что политическая борьба отстраняетъ пролетаріатъ и народъ вообще отъ непосредственнаго участія въ дѣлѣ вершенія своихъ судебъ, замѣняя непосредственныя дѣйствія массы посредственными дѣйствіями избранныхъ ею представителей въ парламентахъ и т. п. Экономическая борьба, говорятъ они, ведется самими массами, политическая—единичными представителями массы, которые никогда не въ состояніи вѣрно передать и отстоять интересы массы и большей частью подмѣняютъ ихъ своими собственными или вовсе предаютъ своихъ избирателей. Исходя изъ этихъ весьма поверхностныхъ и мало обоснованныхъ соображеній, эти анархисты (называемые во Франціи синдикалистами) полагаютъ, что слѣдуетъ опираясь на обширную сѣть всякаго рода экономическихъ организацій (проф. союзовъ, потребительн. обществъ, биржъ труда), организовать и подготовить единодушную всемірную или, по крайней мѣрѣ, всеевропейскую всеобщую забастовку, которая сразу сумѣетъ повалить капиталистическій строй и на развалинахъ его создать свободный отъ всякаго государства, отъ всякаго центральнаго управленія анархическій строй. Для этого пролетаріатъ долженъ разъ навсегда распрощаться съ политической борьбой, съ участіемъ въ выборахъ въ парламенты и т. д. Мы уже указали въ началѣ второй части, почему соціалдемократы считаютъ важнымъ для пролетаріата участіе въ политической борьбѣ. Но дѣло въ томъ, что для соціалдемократовъ политическая борьба есть лишь одна часть классовой борьбы. А эта классовая борьба пролетаріата съ буржуазіей имѣетъ различныя формы: буржуазія пользуется законодательной машиной, государственной властью въ цѣляхъ укрѣпленія своего положенія цѣлымъ рядомъ вредныхъ для пролетаріата законовъ—пролетаріатъ долженъ стараться получить возможность поль-

зоваться этой машиной въ цѣляхъ ограниченія эксплуататорскихъ поползновеній, въ цѣляхъ улучшенія собственнаго своего положенія; буржуазія пользуется своимъ экономическимъ могуществомъ, чтобы закабаливать у себя на фабрикахъ и заводахъ зависящихъ отъ нея наемниковъ — пролетаріатъ долженъ воспользоваться своимъ положеніемъ единственнаго источника человѣческаго труда, своей экономической организаціей, чтобы ограничивать фабричный произволъ и эксплуатацію; буржуазія пользуется своими богатствами, чтобы покупать ученыхъ, литераторовъ, поэтовъ и поповъ для умственнаго развращенія мало сознательныхъ слоевъ народа, для увлеченія ихъ буржуазными интересами — пролетаріатъ долженъ просвѣщаться, копить въ себѣ знанія и высылать лучшія свои умственныя силы для борьбы съ вредными и развращающими проповѣдями буржуазіи. Такимъ образомъ, классовая борьба пролетаріата — это и политическая борьба, и экономическая, и идейная и т. д. Пролетаріатъ долженъ дать сраженіе врагу на всѣхъ позиціяхъ, гдѣ этотъ врагъ укрѣпляется. Разъ политическое господство является для буржуазіи одной изъ важныхъ позицій, сильно прикрывающихъ ея экономическое могущество, значитъ, пролетаріатъ долженъ во что бы то ни стало постоянно ослаблять эту позицію, чтобы быть въ состояніи вовсе выбить изъ нея врага. Совѣты анархистовъ воздержаться отъ политической борьбы равносильны совѣтамъ оставить въ рукахъ врага главную крѣпость, изъ которой буржуазія обстрѣливаетъ всѣхъ покушающихся на область ея господства.

Соціалдемократы не отдаютъ предпочтенія ни одному изъ видовъ классовой борьбы. Всѣ они одинаково важны, каждый на своемъ мѣстѣ и въ свое время. Борьба въ парламентѣ, борьба въ печати, стачки, профессіональные союзы — во всемъ этомъ соціалдемократія видитъ равноцѣнныя орудія въ борьбѣ пролетаріата за освобожденіе. Какъ нельзя сказать, что важнѣе для человѣка при ходьбѣ: правая или лѣвая нога, что важнѣе для жизни: легкія или сердце, такъ и для соціалдемократіи одинаково важны какъ политическая борьба, такъ и экономическая.

VI.

Синдикалисты указываютъ рабочимъ на то, что въ такихъ странахъ, какъ Германія или Франція, гдѣ пролетаріатъ участвуетъ въ политической борьбѣ, гдѣ соціалдемократы имѣютъ сравнительно много представителей въ парламентѣ, отъ этого ничего положительнаго не получилось въ законодательствѣ для рабочихъ. Раньше всего это указаніе не совсѣмъ вѣрно. Но дѣло въ томъ, что соціалдемократы и не видѣли главной задачи своего парламентскаго дѣйствія въ непосредственныхъ успѣхахъ, особенно пока они еще составляютъ въ парламентахъ меньшинство. Соціалдемократы цѣнили въ парламентскомъ дѣйствіи три вещи: 1) всенародныя трибуны, съ высоты которыхъ можно во всеуслышаніе обличать буржуазный строй и стража его интересовъ — современное государство; 2) ту гигантскую работу организаціи и агитаціи, которая ведется около выборовъ. Каждые четыре пять лѣтъ вопросъ о выборахъ захватываетъ на нѣсколько мѣсяцевъ милліоны избирателей, а избирательная кампанія является однимъ изъ самыхъ могучихъ способовъ воздѣйствія на рабочія массы; 3) присутствіе соціалдемократическихъ депутатовъ въ парламентѣ крайне важно, чтобы научиться разбираться въ сложныхъ вопросахъ законодательства и управленія страной. Если для веденія дѣлъ какого-нибудь профессіональнаго союза требуется извѣстный опытъ и сноровка, если вести конторское дѣло можетъ не первый встрѣчный, то тѣмъ болѣе приходится сказать это тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ огромномъ государственномъ механизмѣ, охватывающемъ милліоны и милліоны людей. Отказаться отъ изученія на опытѣ этого механизма значитъ обречь себя на то, чтобы въ случаѣ удачи или успѣха, когда власть достанется пролетаріату, не умѣть воспользоваться этимъ успѣхомъ и, можетъ быть, надолго потерять плоды побѣды. Вотъ тѣ три главныхъ соображенія, которыми руководится соціалдемократія, когда настаиваетъ на огромномъ значеніи политической борьбы. Что же касается прямыхъ успѣховъ въ парламентѣ, то и здѣсь дѣло не такъ ужъ безнадежно плохо, какъ это изображаютъ анархисты. Кое что соціал-

демократы сдѣлали и въ парламентахъ, хотя они и составляютъ меньшинство. На много социалдемократія и не разсчитываетъ, пока она въ меньшинствѣ. Можно даже больше сказать. Врядъ ли когда-нибудь социалдемократы будутъ въ большинствѣ въ буржуазныхъ парламентахъ. Вѣроятнѣе всего, что разъ всеобщее избирательное право дастъ преобладаніе социалдемократамъ, то буржуазныя правительства начнутъ отнимать всеобщее голосованіе. Правительства вынуждены будутъ или сдаться социалдемократамъ или стать на путь революціи. Они предпочтутъ, конечно, послѣднее. Но это только и показываетъ огромную роль политической борьбы, которая необходимо ведетъ къ социальной революціи, при томъ къ революціи, гдѣ рабочій классъ будетъ въ особенно выгодныхъ условіяхъ: съ одной стороны, онъ будетъ представлять тогда огромную и превосходно организованную часть населенія страны, съ другой — онъ будетъ стороной обороняющейся, стоящей на почвѣ законности, что привлечетъ къ нему многіе промежуточные слои населенія.

Итакъ, мы не находимъ у синдикалистовъ никакихъ серьезныхъ возраженій противъ политической борьбы. И не надо представлять себѣ дѣла такъ, будто синдикалисты являются представителями экономическаго дѣйствія, а социалдемократы политическаго. Это не вѣрно относительно социалдемократовъ. Для нихъ, какъ мы говорили, всѣ виды борьбы одинаково важны, разъ они способствуютъ развитію классоваго сознанія и классовой организаціи пролетаріата. Да и всегда ли можно отличить политическую борьбу отъ экономической, идейную отъ политической? Возьмемъ, напримѣръ, всеобщую забастовку, которую такъ ревностно проповѣдуютъ синдикалисты и въ которой они видятъ чуть ли не единственное лекарство отъ всѣхъ общественныхъ недуговъ. Возьмемъ знаменитую октябрьскую забастовку, подобную которой по размѣрамъ и единодушію еще не видѣлъ міръ. Что она представляла собой? Чисто экономическое дѣйствіе? Нѣтъ, ибо она преслѣдовала исключительно политическія цѣли, какъ созывъ Учредительнаго Собранія, введеніе всеобщаго избирательнаго права и т. д. Значитъ, это было чисто политическое дѣйствіе? Тоже нѣтъ, ибо способъ борьбы былъ вполнѣ экономическій. Политическая цѣль,

экономическое средство — вотъ какова была октябрьская забастовка. Можетъ быть, и обратное: цѣль экономическая, а средства политическія, напримѣръ, введеніе законодательнымъ путемъ восьмичасоваго рабочаго дня. И т. д., и т. д. Словомъ, нельзя противопоставлять другъ другу экономическія и политическія дѣйствія, нелѣпо отрывать другъ отъ друга то, что представляетъ разныя стороны единой классовой борьбы пролетаріата за свое освобожденіе.

VII.

Что же касается проповѣдуемой уже всѣми анархистами всеобщей забастовки, какъ единственнаго средства уничтожить капиталистическій и ввести анархистскій строй, то легко видѣть, что это только пустая мечта. При капиталистическомъ строѣ пролетаріатъ никогда не будетъ такъ сильно и широко организованъ, чтобы весь онъ по одному сигналу одновременно во всей Европѣ могъ бросить работу и сумѣть держаться до тѣхъ поръ, пока буржуазія не сдастся. Для того, чтобы такая всемірная стачка могла кончиться успѣшно, нужно, чтобы весь пролетаріатъ стоялъ всюду во всѣхъ странахъ на одинаковомъ уровнѣ развитія, чтобы весь онъ былъ объединенъ въ одну сильную міровую организацію, чтобы почти совершенно исчезли мелкіе самостоятельные ремесленники, чтобы на сторонѣ пролетаріата было огромное большинство населенія, чтобы никакими пушками нельзя было разбить его ряды, чтобы онъ былъ въ состояніи поголовно вооружить все взрослое населеніе. Но все это, очевидно, не можетъ быть достигнуто при капиталистическомъ строѣ, въ особенности при томъ условіи, когда пролетаріатъ вслѣдствіе анархическаго воздержанія отъ политической борьбы будетъ находиться въ безправномъ положеніи, не пытаясь даже отражать тѣ многочисленныя нападенія на свои права, которыя не преминетъ сдѣлать буржуазія. Если бы такая всемірная стачка могла бы осуществиться, существованіе пролетаріата стало бы невыносимымъ уже черезъ нѣсколько дней. Повальный голодъ заставилъ бы его взяться за разграбленіе запасовъ и если бы даже ему удалось завладѣть ими путемъ насилій, то

черезъ нѣсколько дней они были бы истреблены и ему опять таки пришлось бы взяться за оставленную работу, но зато уже при гораздо болѣе худшихъ условіяхъ, чѣмъ до всеобщей забастовки. Съ другой стороны, если бы пролетаріатъ обладалъ бы сильной, дисциплинированной міровой организаціей, имѣлъ бы на своей сторонѣ все большинство населенія, могъ бы не только разграбить уже произведенные запасы, но и немедленно организовать производство на новыхъ соціалистическихъ началахъ, могъ бы поголовно вооружить все населеніе, т. е. имѣлъ бы все, что необходимо для успѣха анархистской всеобщей забастовки, она бы оказалась совершенно ненужной, такъ какъ буржуазія вынуждена была бы немедленно сдаться безъ всякой борьбы, или же первая ея попытка къ сопротивленію была бы немедленно и навсегда подавлена. Анархисты, мечтающіе о такой забастовкѣ, не могутъ понять всѣхъ этихъ условій. Они совершенно забываютъ, что проклятіе, тяготѣющее надъ пролетаріатомъ въ капиталистическомъ строѣ, заключается не въ томъ, что онъ эксплуатируется, а въ томъ, что онъ долженъ дать себя эксплуатировать, если не хочетъ умереть съ голоду, ибо таковы экономическія и политическія условія, среди которыхъ онъ живетъ, вырваться изъ которыхъ однимъ напряженіемъ своей воли онъ не можетъ. Значитъ, дѣло не въ томъ, чтобы путемъ агитаціи и пропаганды убѣдить его не давать себя эксплуатировать, т. е. прекратить работу, а въ измѣненіи этихъ экономическихъ и политическихъ условій. Дѣло, значитъ, въ ростѣ экономической и политической силы пролетаріата, въ укрѣпленіи его организаціи, въ дальнѣйшемъ развитіи капиталистическаго строя, увеличивающаго численность, силу, сознательность пролетаріата и значеніе его для хозяйственной жизни всего человѣчества и уменьшающаго силу и значеніе класса капиталистовъ, дѣлающаго этотъ все уменьшающійся въ своемъ числѣ классъ ненужнымъ и вреднымъ для роста и развитія человѣческаго благосостоянія. Искусственныя же вспышки въ родѣ одновременной, по сигналу вызванной міровой забастовки, если бы даже онѣ и могли осуществиться, не могутъ сразу разрушить то, что создано столѣтіями хозяйственнаго развитія.

VIII.

Такимъ образомъ, разсмотрѣвши цѣли и средства анархистовъ, мы видимъ, что они не могутъ быть приняты сознательнымъ пролетаріатомъ. Когда съ новымъ могучимъ пролетарскимъ валомъ померкнетъ блескъ спеціально русскаго вымогательскаго анархизма и онъ превратится въ простой организованный грабежъ безъ всякихъ революціонныхъ масокъ, изъ среды экспропріаторовъ выдѣлятся лица, которыя, отвернувшись отъ компаніи вымогателей, станутъ проповѣдывать тѣ самыя идеи, которыя мы критиковали во второй части этой статьи. Пролетаріатъ долженъ будетъ осторожно отнестись къ этимъ красивымъ по внѣшности проповѣдямъ «пропаганды дѣйствіемъ», «непосредственнаго дѣйствія», чистой экономической борьбы и другимъ анархистскимъ фантазіямъ. Болѣе сознательные товарищи должны поэтому сейчасъ же выработать себѣ ясный взглядъ не только на дѣятельность анархистовъ въ Россіи, но и на тѣ западно-европейскія анархистскія теоріи, которыми россійскіе анархисты с[illegible]ятся прикрыть свои вымогательскія похожденія. [illegible] помочь этимъ товарищамъ—вотъ задача, которую преслѣдовалъ авторъ этой брошюры.

---

1. **А. Бебель.** I. Профессіональное движеніе и политич. партіи. II. Законъ противъ соціалистовъ въ Германіи. Изд. 2-е. ц. 8 к.

2. **С. Вознесенскій.** Профессіональные союзы рабочихъ . . . . ц. 5 к.

3. **Д. Кольцовъ.** Профессіональные союзы и соціалдемократія . . . . ц. 2 к.

4. **Штребель.** Профессіональное движеніе и соціалдемократія . . . . ц. 2 к.

5. **М. Шиппель.** Профессіональные союзы рабочихъ. Пер. съ нѣм. И. Степанова . ц. 10 к.

6. **А. Нѣманскій.** Нейтральные или партійные профессіональные союзы? Съ предисловіемъ Д. Кольцова. . . . . . . ц. 6 к.

7. К. Дмитріевъ. Профессіональное движеніе въ Москвѣ. I выпускъ «Профессіональной библіотеки» . . . . ц. 12 к.

8. **В. Гриневичъ.** Профессіональное движеніе въ Петербургѣ. II выпускъ «Профессіональной библіотеки» (готовится къ печати).

9. **М. Легіенъ.** Отчетъ международнаго бюро профессіональныхъ союзовъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. Н. Рязанова. III выпускъ «Профессіональной библіотеки» (готовится къ печати).

10. **Дубровскій.** Наша свобода союзовъ . . ц. 2 к.

„Профессіональный союзъ“ — органъ центральнаго Бюро Профессіональныхъ Союзовъ. Въ журналѣ помѣщены статьи: Н. Рязанова, В. Гриневича, Рыжова, Д. Кольцова, В. Святловскаго, К. Дмитріева и др. . . . . Цѣна № 10 к.

Главный складъ книгоиздательства „НОВЫЙ МІРЪ“

С.-Петербургъ, Николаевская, 61.

